

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КАЛИЩЕНКО В. Д.

ТИПОЛОГИЯ ЛОКАТИВНЫХ, ПОСЕССИВНЫХ И АТРИБУТИВНЫХ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

В предлагаемой статье осуществляется опыт типологии отсубстантивных глаголов (ОГ), т. е. глаголов, мотивированных именами существительными типа русск. *мастер* → *мастерить*, ср. аналогичные пары в польск. *majster* → *majstrować*, англ. *master* → *to master*, швед. *mästare* → *mästra*, фин. *mestari* → *mestaroida*, индонез. *tukang* → *bertukang*¹. ОГ служили объектом исследования как в различных отдельных языках, так и в сопоставительном и типологическом аспектах (см. [1—4]). ОГ характеризуются различными видами семантической связи с их мотивирующими именами (МИ), ср. русск. *гость* → *гостить* ≈ *быть гостем* (ср. также аналогичную пару в швед. *gäst* → *gästa*, лтш. *viesis* → *viesoties*); *раб* → *поработить* ≈ *сделать рабом* (ср. также болг. *роб* → *поробя*, *заробя*, швед. *slav* → *förslava*, фин. *orja* → *orjuuttaa*).

На основе вида семантической связи между ОГ и их МИ устанавливаются семантические группы ОГ. Отнесение ОГ к определенной группе производится в данной работе на основе его формулы толкования (ФТ). Толкованию подвергается ОГ с его актантами. В соответствие им ставится перифраза, состоящая из тех же актантов, а ОГ заменяется на синонимичную ему конструкцию «МИ + глагол (или глагольная группа)». Глагол толкования должен иметь значение, способное описывать некоторое количество однотипных ситуаций [1, с. 11]. Так, глаголы типа *гостить* имеют ФТ «S₁ есть S_m», типа *поработить* ФТ «S₁ каузирует S₂ быть S_m», где S₁, S₂ — актанты ОГ, а S_m — означаемое мотивирующего имени.

В зависимости от семантической функции, которую в толковании ОГ можно приписать его МИ, выделяются различные типы ОГ, например, инструментальные (их ФТ — «S₁ выполняет действие над S₂ при помощи S_m», ср.: *клей* → *клеить*, аналогично в швед. *lim* → *limma*, исп. *cola* — *encolar*, узб. *елим* → *елимламоқ*), объектные (ФТ — «S₁ совершает действие, направленное на S_m», ср. нем. *Fisch* «рыба» → *fischen* «ловить рыбу», аналогично в англ. *fish* → *to fish*, итал. *pesce* → *pescare*, литов. *žuvis* → *žuvausti*).

На выделении таких значений и определении их иерархии базируется возможное исчисление типов ОГ (см. [5]). В некоторых работах уже предпринимались попытки подобного исчисления [4, 6].

Предметом данного исследования являются ОГ трех типов: локативные, посессивные и атрибутивные. МИ локативных ОГ выполняет в толковании семантическую функцию «место», например: *земля* → *приземлить* ≈

¹ Здесь и ниже примеры, приводимые из грамматик и специальных работ, снабжены отсылками к источнику; примеры из словарей даются без указания на источник.

Таблица 1

Локативные ОГ

Подтипы (группы) ОГ и формулы толкования	Количество языков (из 50 взятых), в которых отмечены ОГ данной группы
(1а) «S ₁ есть (в месте) S _m »	2
(2б) «S ₁ не есть в S _m »	0
(3а) «S ₁ начинает быть в S _m »	2
(4а) «S ₁ начинает не быть в S _m »	7
(5а) «S ₁ каузирует S ₂ быть в S _m »	31
(6а) «S ₁ каузирует S ₂ не быть в S _m »	5

Таблица 2

Посессивные ОГ

(1б) «S ₁ имеет S _m »	8
(2б) «S ₁ не имеет S _m »	3
(3б) «S ₁ начинает иметь S _m »	5
(4б) «S ₁ начинает не иметь S _m »	0
(5б) «S ₁ каузирует S ₂ иметь S _m »	43
(6б) «S ₁ каузирует S ₂ не иметь S _m »	23

Таблица 3

Атрибутивные ОГ

(1в) «S ₁ есть S _m »	3
(2в) «S ₁ не есть S _m »	0
(3в) «S ₁ начинает быть S _m »	34
(4в) «S ₁ начинает не быть S _m »	0
(5в) «S ₁ каузирует S ₂ быть S _m »	26
(6в) «S ₁ каузирует S ₂ не быть S _m »	2

≈ посадить на землю. МИ посессивных ОГ обозначает «предмет обладания», ср. в индонез. isteri «жена» → beristeri «иметь жену» [7, с. 125]. МИ атрибутивных ОГ выражает в толковании «признак» субъекта, ср. в эск.: юг «человек» → югыцы- «быть человеком» [8, с. 66].

В задачу исследования входило: а) установление логически возможных подтипов ОГ, МИ которых в толковании выполняют семантические функции «место», «предмет обладания», «признак»; б) выявление подтипов ОГ, реализующихся в конкретных языках; в) приблизительная оценка степени типологической продуктивности каждого из реализующихся подтипов; г) характеристика ОГ с точки зрения формантов, участвующих в их образовании.

Материалом исследования послужили данные об образовании ОГ в 50 языках, полученные из грамматик, работ по словообразованию и (частично) словарей. Это следующие языки: славянские (болгарский, польский, русский, украинский, чешский); балтийские (латышский, литовский), германские (английский, датский, немецкий, норвежский, шведский), романские (итальянский, испанский, румынский, французский),

иранские (осетинский, таджикский), тюркские (азербайджанский, казахский, тувинский, турецкий, узбекский, хакасский, якутский), тунгусо-маньчжурские (нанайский, орокский, эвенкийский, эвенский), самодийские (ненецкий), палеоазиатские (алеутский, ительменский, корякский, нивхский, чукотский, эскимосский, юкагирский), угро-финские (венгерский, вепсский, коми, мансийский, марийский, финский), малайско-полинезийские (индонезийский, тагальский), индейские (аймара, кечуа, пиро), классический арабский и японский.

Набор языков не является адекватным для окончательных типологических обобщений вследствие: а) его относительно небольшого объема; б) отсутствия в наборе языков представителей большого числа семей и групп², что объясняется в свою очередь отсутствием данных о словообразовательной семантике вообще и, в частности, об ОГ в этих языках (это касается прежде всего африканских языков); в) неполнотой описания семантики ОГ в некоторых из языков набора, хотя он и определялся в значительной мере принципом «удобства» [9, с. 128], т. е. доступностью для автора достаточно полных описаний ОГ в том или ином языке, достаточно полных словарей, так как частотность большинства ОГ невысокая.

Синтаксические конструкции трех типов: «быть (находиться) в каком-л. месте», «иметь кого-, что-л.», «быть (существовать)» связаны отношением производности в диахроническом и семантическом аспектах [10]. Естественно предположить наличие параллелизма и у трех типов ОГ — локативных, посессивных и атрибутивных. Семантическая связь между указанными типами ОГ проявляется, в частности, в возможности осуществления логического исчисления подтипов локативных, посессивных и атрибутивных ОГ на основе одинаковых признаков: исходное значение каждого из типов — (1а) « S_1 есть S_m », (1б) « S_1 имеет S_m », (1в) « S_1 есть S_m » — может осложняться следующими признаками (и комбинациями этих признаков): «отрицание», «инлокативность», «каузативность». Исчисление логически возможных групп ОГ трех типов представлено в таблицах 1—3.

Ниже будет подробнее рассмотрен каждый из трех типов ОГ.

Локативные ОГ

(1а) Первая группа включает локативные ОГ с исходным значением « S_1 есть в (месте) S_m », ср.: алеут. *қиніўх* «кино» → *қиніўгикух* «он находится в кино» [11, с. 28], эск. *снаџ* «берег» → *снамы* «находиться на берегу» [12, с. 33—34]. ОГ с данным значением отмечены из привлекаемых языков, по-видимому, только в алеутском и эскимосском³. В остальных языках отмечены квазиллокативные ОГ, обозначающие не просто «нахождение, пребывание субъекта в месте S_m », а «действие, выполняемое обычно в данном месте или связанное с данным местом семантическими ассоциациями». При этом действие может осуществляться только в данном месте, ср. в эвенк. *дѳ* «чум» → *дѳтѳ* «жить в чуме» [13, с. 199], нем. *Sonne* «солнце» → *sich sonnen* «лежать на солнце, загорать». В большинстве же случаев локативные ОГ первой группы называют действие, типичное для места, обозначенного МИ, но выполняемое не обязательно в данном месте,

² О принципах составления образца, т. е. набора языков для типологического исследования, см. [9].

³ Не исключено, что и в некоторых других языках имеются единичные ОГ этой семантики, но факт отсутствия указаний на них в использованных источниках свидетельствует по крайней мере об их непродуктивности в остальных из рассмотренных языков.

ср.: русск. *базар* → базарить, рум. *tîrg* «рынок» → *a se tîrgui* «торговаться», англ. *school* «школа» → *to school* «обучать, тренировать». Квазилокативные ОГ группы (1а) отмечены не менее чем в 31 из рассмотренных 50 языков.

(2а) Вторую логическую возможность представляет отрицательный противочлен предшествующей группы со значением « S_1 не есть в S_m ». В рассмотренных языках глаголы с этим значением не отмечены.

(3а) Локативные ОГ третьей группы описываются толкованием « S_1 начинает быть в S_m », ср.: чукот. *гычурмын* «берег» → *гычурматык* «приставить к берегу» [14, с. 219], турецк. *at* «лошадь» → *atlanmak* «садиться верхом на лошадь».

Локативные ОГ данной группы обозначают не только начало нахождения S_1 в/на месте S_m , но и само действие (*садиться, приставать* и др.), приводящее к возникновению локального отношения. ОГ третьей группы отмечены не менее чем в 22 языках. Но количество самих ОГ в каждом языке незначительно. В ряде языков — алеутском, классическом арабском, кечуа, тувинском, хакасском, эскимосском, якутском — имеются квазилокативные ОГ данной группы со значением «идти, ходить, ехать, направляться в место, обозначенное МИ», ср.: кечуа *chimra* «другая сторона» → *chimrau* «перейти на другую сторону» [15, с. 136]; тув. *көдээ* «деревня» → *көдээл-* «ехать в деревню» [16, с. 259], хакас. *тайға* → *тайғала-* «ходить по тайге» [17, с. 166], якут. *Москва* → *москвалаа* «ехать в Москву» [18, с. 98]. К третьему типу локативных ОГ могут быть отнесены также квазилокативные глаголы со значением «идти, пройти по чему-л.» и «пойти к кому-л.», ср.: эвенк. *дянка* «берег» → *дянкара-* «пройти по берегу», *дюкэ* «лед» → *дюкэрэ* «пройти по льду» [13, с. 202], эвен. *нючи* «русский» → *нючимадай* «пойти к русскому» [19, с. 169]. Квазилокативные ОГ отмечены не менее чем в 30 языках.

(4а) Единичные локативные ОГ четвертой группы со значением « S_1 начинает не быть в S_m (покидает, удаляется из S_m)» отмечены только в германских и романских языках — не менее чем в семи, ср. нем. *Ufer* «берег» → *ausufern* «выйти из берегов (о реке)», *Gleis* «рельс» → *entgleisen* «сходить с рельсов (о поезде)», ср. аналогичную пару в англ. *rails* → *to derail* и франц. *rail* → *dérailer*.

(5а) Локативные ОГ пятой группы описываются толкованием « S_1 каузирует S_2 быть в S_m », ср.: аймара *uma* «вода» → *umaruchaña* «окупнуть в воду» [20, с. 127], таг. *sa araw* «на солнце» → *magsaaraw* «помещать, класть на солнце» [21, с. 111], дат. *fængsel* «тюрьма» → *fængsle* «посадить в тюрьму». От одного МИ, имеющего одно значение, или от одного лексико-семантического варианта многозначного слова могут образовываться в некоторых случаях различные по значению локативные ОГ рассматриваемой группы, ср. русск. *земля* → *заземлить, приземлить*. Также в разных языках существует возможность образования от существительных-эквивалентов локативных глаголов с разными значениями, ср., с одной стороны, русск. *заземлить, приземлить*, нем. *Erde* «земля» → *erden* «заземлять», *beerdigen* «хоронить», англ. *earth* → *to earth* «зарывать, закапывать; загонять в нору; заземлять; сажать (самолет)», швед. *jord* → *jorda* «предавать земле; заземлять» и т. д.

Локативные глаголы пятой группы отмечены не менее чем в 31 языке из числа всех языков набора.

(6а) Шестую группу локативных ОГ образуют глаголы, описываемые толкованием « S_1 каузирует S_2 не быть в S_m », ср.: франц. *parc* «загон для скота» → *déparquer* «выгнать скот из загона», нем. *Kerker* «тюрьма» →

→ *entkerkern* «освобождать из тюрьмы», дат. *spole* «катушка» → *afspole* «разматывать». Данная группа ОГ, как и все остальные с «отрицательными» ОГ, гораздо менее продуктивна в типологическом аспекте, чем ее положительный противочлен — группа (5а), и отмечена в пяти языках, но и в этих языках ОГ группы (6а) представляют собой единичные образования.

Посессивные ОГ

(16) Исходным для посессивных ОГ является значение « S_1 имеет S_m ». Собственно посессивные ОГ выражают ситуацию, в которой S_1 — одушевленный, а S_m — одушевленный или неодушевленный предмет, ср. эвен. *дю* «юрта, жилище» — *дюлаттай* «иметь юрту, жилище» [19, с. 165], ненец. *мирв* «оружие» (форма род. падежа мн. числа — *мирбе*) → *мирбецъ* «иметь оружие, быть вооруженным» [22, с. 171]. Продуктивность этого типа ОГ в некоторых языках весьма высокая. Так, например, в чукотском языке любое существительное, способное обозначать предмет обладания, может быть оформлено глагольными показателями и употребляться в качестве глагола-сказуемого со значением «иметь кого-, что-л.» [23, с. 218—225], т. е. образовывать ОГ. Собственно посессивные глаголы группы (16) с S_1 — одушевленным предметом отмечены по меньшей мере в восьми языках образца (алеутском, классическом арабском, индонезийском, корякском, чукотском, эвенском, эскимосском, юкагирском). Они нетипичны для индоевропейских, тюркских, угро-финских языков.

Значение «иметь S_m » может осложняться дополнительными семантическими признаками, например, «много S_m », «хорошее/плохое S_m » — в алеутском, ср. *сайгис* «ружье» → *сайгизигакух* «он имеет хорошее ружье» [11, с. 28], «много/мало S_m », «большое S_m » — в классическом арабском [24]. В алеутском, индонезийском, эвенском существуют ОГ со значением « S_1 имеет S_2 в качестве S_m », ср. эвен. *аман* «отец» → *амантадай* «иметь кого-л. отцом», *акан* «старший брат» → *акантадай* «иметь кого-л. старшим братом» [19, с. 166], индонез. *isteri* «жена» → *beristerikan* «иметь кого-л. в качестве жены» [7, с. 126—127]. Не менее чем в 20 языках имеются единичные квазипосессивные ОГ группы (16). Они выражают локальные отношения или разновидность посессивных — отношение «часть — целое». От локативных ОГ квазипосессивные отличаются тем, что S_m обозначает здесь не место, а «предмет, находящийся в каком-л. месте». S_1 квазипосессивных ОГ — неодушевленный предмет, ср.: хакас. *порчо* «цветок» → *порчолан-* «цвести» [17, с. 167], якут. *эңжэ* «пробоина» → *эңжэр* «быть с пробойной» [18, с. 133], англ. *flower* «цветок» → *to flower* «цвести», нивх. *хар* «червь» → *харваркт'* «быть червивым» [25, с. 39].

(26) ОГ с противоположным значением « S_1 не имеет S_m » отмечены в трех языках: ненецком, нивхском, юкагирском, ср.: ненец. *харад* «дом» → *хардася(сь)* «не иметь дома, быть без дома» [26, с. 85], юкаг. *илэн* «олень» → *эл'илэн'эјэң* «я не имею оленей» [27, с. 176], нивх. *к'ыскаврд'* «быть несчастным» → *к'ыс* «счастье», *қаврд'* «не иметь» [25, с. 40] ⁴.

⁴ В качестве ОГ в нивхском, осетинском, таджикском рассматривались здесь так называемые «аналитические» глаголы, образованные по модели «имя существительное + глагол», как правило, служебный типа «быть», «иметь», «становиться». Статус этих образований представляет собой сложную теоретическую проблему и, видимо, неодинаков в разных языках. Несмотря на их морфологические отличия от полноценных ОГ, аналитические глаголы были включены в исследование, прежде всего по той причине, что они являются лексическими единицами, представленными в словарях, образующими не от каждого имени, вспомогательные глаголы в их составе десемантизированы и выполняют функцию словообразовательных аффиксов [28, с. 139].

(36) Посессивные ОГ третьей группы имеют толкование « S_1 начинает иметь S_m », ср. таг. *bahay* «дом» → *magkabahay* «обзавестись домом» [21, с. 118], эвен. *хут* «ребенок» → *хутэлбэдэй* «обзавестись детьми» [19, с. 165]. Собственно посессивные ОГ группы (36) отмечены в пяти языках: тагальском, хакасском, эвенкийском, эвенском, эскимосском. В ряде языков имеются квазипосессивные ОГ, обозначающие действия лица над предметом, приводящее к возникновению локативного отношения. От локативных ОГ такие посессивные глаголы отличаются тем, что S_m в толковании ОГ обозначает не место, а перемещаемый предмет, ср. чукот. *кэли* «шапка» → *кэлейнык* «надевать шапку» [14, с. 221], ср. аналогичную пару с тем же значением в кечуа: *chusi* → *chicullisuy* [15, с. 137]. Квазипосессивные ОГ с одушевленным S_1 отмечены в 8 языках.

Как и в группе (16), во многих языках (не менее чем в 26) имеются квазипосессивные ОГ, S_1 которых — неодушевленный, а сами они выражают возникновение отношений локальных и «часть — целое», ср. англ. *feather* «перо» → *to feather* «оперяться», осет. *сала* «копоть» → *сала уын* «покрываться копотью» [28, с. 144—145], турецк. *yaprak* «лист» → *yapraklanmak* «покрываться листьями» [29]. Субъект S_1 этих глаголов обозначает чаще всего животное, растение, а S_m — плоды, ветви, перья и т. д. ОГ этого типа обозначают не просто возникновение отношения локального или «часть — целое», а определенное состояние целого S_1 , обусловленное наличием, появлением у него части S_m .

Характерно, что собственно посессивные ОГ образуются, как правило, при помощи «специализированных» словообразовательных аффиксов (т. е. формирующих ОГ только одной определенной семантической группы, например, инструментальные, посессивные и т. д.), ср. значение суф. *-лба/-лбэ-* в эвенском — «приобрести кого-, что-л.»: *атыкан* «жена» → *атыкалдай* «приобрести жену, жениться», *хут* «ребенок» → *хутэлбэдэй* «обзавестись детьми» [19, с. 165]; только со значением «надевать что-л.» образуются в чукотском языке ОГ с суф. *-йп/-эп-* [14, с. 221] и т. д. Квазипосессивные ОГ, выражающие локативное отношение или отношение «часть — целое», образуются при помощи «неспециализированных» аффиксов (т. е. формирующих ОГ самой различной семантики) или безаффиксальным способом. Так, например, в кечуа ОГ, выражающие наличие отношения «часть — целое» [*t'ica* «цветок» → *t'icay* «привести», *rugu* «плод» → *ruguy* «иметь на себе плоды (о дереве)», но также и «удалять косточку из плода»], образованы безаффиксальным способом, как и ОГ другой семантики, например, объектные (с толкованием « S_1 совершает действие, направленное на S_m »: *challhua* «рыба» → *challhuay* «ловить рыбу», *ic'hu* «травя» → *ic'huu* «косить траву»), инструментальные (с толкованием « S_1 совершает действие с помощью S_m »: *ñajch'a* «гребень» → *ñajch'ay* «причесывать», *huach'i* «стрела» → *huach'iy* «стрелять стрелами») [15, с. 135—136].

(46) Посессивные ОГ четвертой группы имеют толкование « S_1 начинает не иметь S_m ». Собственно посессивных ОГ (S_1 которых — обладатель предмета S_m , которого он лишается в ситуации, описываемой высказыванием с ОГ данной группы) в рассмотренных языках не отмечено.

Квазипосессивные ОГ группы (46) выражают ситуацию разрыва локальных отношений или отношения «часть — целое»; они отмечены не менее чем в 15 языках. Так, в чукотском с помощью суф. *-тв-* образуются ОГ со значением «снимать S_m », ср. *кэли* «шапка» → *кэлитвык* «снимать шапку», *лилит* «рукавицы» → *лилитвык* «снимать рукавицы» [14, с. 221—222]. Квазипосессивы с отрицательным значением «начинать не иметь S_m » в остальных 14 языках выражают ситуацию разрыва отношения «целое —

часть», ср. нем. *Haar* «волосы, шерсть» → *haaren* «линять», англ. *peel* «корка, кожица» → *to peel* «шелушиться, сходить (о коже)». ОГ данного типа, так же, как квазиллокативы и квазипосессивы других групп, выражают «удаление», «лишение» т. е. разрыв локальных, посессивных отношений лишь с точки зрения логического анализа ситуаций, репрезентируемых этими ОГ. С точки зрения номинации эти ОГ возникают как наименования наиболее обычных, характерных действий, связанных с предметом S_m , ассоциирующихся у носителей языка с частью S_m предмета (животного, лица) S_1 . Собственно «лишение» обозначают приставочные квазипосессивные ОГ некоторых славянских, германских языков, ср. русск. *память* → *обеспамятеть*, англ. *form* «форма» → *to deform* «деформироваться», т. е. «потерять форму», нем. *Art* «род, вид» → *entarten* «выродиться».

(56) Посессивные ОГ пятой группы имеют толкование « S_1 каузирует S_2 иметь S_m ». Это так называемые орнативные глаголы, или глаголы снабжения, ср. русск. *оружие* → *вооружать*, аналогичная пара в укр. *зброя* — *озброїти*, итал. *arme* → *armare*, азерб. *силаһ* — *силаһландырмаг* и т. д. ОГ данной группы являются, по-видимому, наиболее продуктивными в типологическом аспекте [30, с. 11]. Они отмечены не менее чем в 43 из 50 языков (отсутствуют или крайне непродуктивны, например, в ненецком, осетинском, тагальском, японском). Следует указать, что в каждом отдельном языке преобладают ОГ, выражающие каузирование не собственно посессивных отношений типа «оружие → вооружать», а отношений локальных или «часть — целое», ср. русск. *стекло* → *стеклить*, аналогично в тув. *шил* → *шилде*, нем. *Glas* → *verglasen*; русск. *соль* → *солить*, ср. эту же пару в норв. *salt* → *salte*, узб. *туз* → *тузламоқ* и т. д.

(66) Толкование посессивных ОГ шестой группы — « S_1 каузирует S_2 не иметь S_m ». Это так называемые привативные ОГ, обозначающие ситуацию разрыва посессивных отношений, ср. русск. *оружие* → *обезоружить*, аналогично в болг. *оръжие* → *обезоръжа*, итал. *arme* → *di[armare*, швед. *vapen* → *avvärpa* и т. д., пиро *pxi* «дом» → *kopxi* «отнимать дом, лишать дома» [31, с. 85—87]. Как и в группе (56), здесь ОГ выражает чаще локативные отношения и «часть — целое», ср. англ. *head* «голова» → *to behead* «обезглавить», нем. *Blut* «кровь» → *entbluten* «обескровить». Характерным для ОГ данной группы в разных языках является их образование с помощью «специализированных» аффиксов, преимущественно приставок (так, в русском это приставка *обез-*, в немецком *ent-*, английский *be-*, пиро *ko-* — см. примеры выше) или «частично специализированных». Под последними здесь понимаются словообразовательные аффиксы, продуктивные в образовании ОГ с данным значением, но образующие также и ОГ с другими значениями, так, с помощью суф. *-y/-o-* в чукотском языке образуются ОГ с привативным значением, ср. *чааттэ* «арканы» → *чааток* «отнимать арканы», *пойгыт* «копья» → *пойгок* «отнимать копья» [14, с. 223—223], но также и ОГ с другими значениями: «добывание животного», ср. *ръэыт* «киты» → *ръэвук* «добывать китов» и «употребление в пищу», ср. *понты* «печень» → *понток* «есть печень» [14, с. 222]. В целом ОГ группы (66) отмечены не менее чем в 23 языках.

Атрибутивные ОГ

(1в) Первая, исходная группа атрибутивных ОГ описывается толкованием « S_1 есть S_m », ср. русск. *символ* → *символизировать*, эск. юг «человек» → *югыцы* «быть человеком», *пуругых* «копье» → *пуругыгыцы* «быть

копьем» [8, с. 66]. ОГ с данным значением в юкагирском языке могут быть образованы от основы каждого существительного посредством суф. *-но-*, ср. в колымском диалекте: *шоромо* «человек» → *шоромонод'э* «я человек есмь» [27, с. 180]. В чукотском существительные могут иметь форму лица, оформляясь глагольными показателями и употребляясь в качестве сказуемого со значением «быть кем-, чем-л.» [23, с. 218–225], т. е. образовывать безаффиксные ОГ. Глагольная парадигма этих ОГ отлична от парадигмы посессивных глаголов, ср. группу (1б), например: *ңинқэй* «мальчик» → *ңинқэйигыт* «мальчик (ты)» и *гэңинқэйигыт* «(ты) мальчика(ов) имеешь». Собственно атрибутивные ОГ первой группы типологически непродуктивны. В качестве продуктивного типа они отмечены, по-видимому, из языков образца только в чукотском, эскимосском и юкагирском.

Большая же часть ОГ группы (1в) обозначает не просто «быть S_m », а «работать в качестве S_m », «выполнять действия, свойственные S_m », «вести себя подобно S_m », т. е. являются квазиатрибутивными. При этом в отношении тождества между S_1 и S_m возможны 3 случая: 1) S_1 есть S_m , ср. русск. *директор* → *директорствовать*, индонез. *kuli* → *berkuli* «быть кули, работать в качестве кули» [7, с. 128], коми: *ныв* «девушка» → *нылавны* «пробывать в девицах» [32, с. 145]; 2) ОГ, мотивированные именами — названиями лиц по профессии, черте характера, занятию, поведению, могут относиться как к лицу S_1 , которое есть S_m , так и к лицу S_1 , которое не является S_m , ср. русские ОГ, выражающие как профессиональную, так и непрофессиональную деятельность: *слесарить*, *плотничать*, *столярничать* [33, с. 149]; 3) типологически продуктивным является тип ОГ, основанных на сравнении S_1 с S_m , ср. русск. *обезьяна* → *обезьянничать*, аналогично нем. *Affe* → *äffen*, англ. *ape* → *to ape*, фин. *apina* → *apinoida*, казах. *маймыл* → *маймылдану*. Квазиатрибутивные ОГ образуются, как правило, при помощи неспециализированных аффиксов или безаффиксальным способом (например, в германских, романских, тюркских языках). Реже встречаются квазиатрибутивные ОГ, образованные при участии специализированных или частично специализированных аффиксов. Так, в русском языке с суффиксами *-нича-*, *-ствова-* от существительных — названий лиц образуются ОГ со значением «заниматься тем, что свойственно лицу»: *лентяйничать*, *профессорствовать* [33, с. 141]. В тагальском, эскимосском, японском языках имеются ОГ со специализированными аффиксами, обозначающие «быть похожим на», ср. эск. *нахсях* «женщина» → *нахсяхсюгын* «быть похожим на женщину», *аңйых* «байдара» → *аңйыхсюгын* «быть подобным байдаре» [8, с. 66]. В японском, где ОГ в целом малопродуктивны, существует целый ряд суффиксов со значением «иметь вид, быть похожим на кого-л.», «казаться кем-л.», «выдавать себя за кого-л.», например: *отона* «взрослый человек» → *отонабуру* «казаться взрослым», *отонабуру* «выдавать себя за взрослого, поступать, как взрослый» [34]. В эскимосском и эвенском языках имеются квазиатрибутивные ОГ со специализированными аффиксами, обозначающие « S_1 имитирует S_m , играет в S_m », ср. эвен. *орон* «домашний олень» → *оркаттай* «изображать оленей, играть в оленей» [19, с. 167], эск. *айвык* «морж» → *айвыгирагутакут* «они играют в моржей» [12, с. 35]. Квазиатрибутивные ОГ группы (1в) отмечены не менее чем в 42 языках.

(2в) Атрибутивные ОГ второй группы со значением « S_1 не есть S_m », по-видимому, отсутствуют в языках набора.

(3в) Атрибутивные ОГ третьей группы описываются толкованием « S_1 начинает быть S_m », они продуктивны в типологическом аспекте — отмечены не менее чем в 34 языках набора, ср. русск. *камень* → *окаменеть*,

аналогично чеш. *kámen* → *zkamenít*, дат. *sten* → *forstene*, фин. *kivi* → *ki-vettyä*, азерб. *daş* → *daşlaşmaq*; русск. *сирота* → *осиротеть*, аналогично польск. *sierota* → *osierocieć*, фин. *orpo* → *orpoutua* и т. д. Значение ОГ данной группы может быть совмещенным со значением ОГ группы (1в), ср. в русском ОГ «вдоветь» может обозначать как «превращаться в S_m », так и «быть S_m » [33, с. 136]. Регулярной является совмещенность этих значений у тагальских ОГ с преф. *tag-*: *makata* «поэт» → *tagmakata* «быть, стать поэтом», *bugaw* «сводник» → *tagbugaw* «быть, стать сводником» [21, с. 109].

Наряду с атрибутивными ОГ в языках, где они отмечены, имеются и квазиатрибутивные ОГ, основанные на сравнении S_1 с S_m , ср. русск. *зверь* → *озвереть*, аналогично литов. *žvėris* → *sužvėrėti*, исп. *bestia* → *abestiarse*, нем. *Tier* → *vertieren*, нан. *уцэлтэ* → *уцэлтэнэ* [35, с. 18] и т. д. Во многих языках рассматриваемое здесь значение связано со специализированными или частично специализированными аффиксами, при этом с помощью одних и тех же аффиксов могут быть образованы и атрибутивные, и квазиатрибутивные ОГ, ср. в русском модель «о + МИ + е (ть)» или «о (б) + МИ + + и(ть) + ся»: *осиротеть*, *обуглиться* (атрибутивные ОГ) и *обалдеть*, *озвереть* (квазиатрибутивные ОГ); в аймара ОГ группы (3в) образуются с суффиксами *-pta/-quipta-*: *uma* «вода» → *umaptaña* «превратиться в воду» (атрибутивный ОГ) и *puma* «пума» → *pumaquiptaña* «стать храбрым, злым, как пума» (квазиатрибутивный ОГ) [20, с. 127]; в немецком продуктивным аффиксом в этой группе является преф. *ver-*: *Waise* «сирота» → *verwaisen* «осиротеть» (атрибутивный ОГ) и *vertieren* (см. выше — квазиатрибутивный ОГ).

(4в) Атрибутивные ОГ четвертой группы с толкованием « S_1 начинает не быть S_m » не отмечены в работах и словарях, на которых основано исследование. Но подтверждением логической возможности существования таких ОГ могут служить единичные окказиональные ОГ с преф. *aus-* в немецком, ср.: *Bürgermeister* «бургомистр» → *sich ausbürgermeistern* букв. «отбургомистриться», т. е. «перестать быть бургомистром» [36].

(5в) Атрибутивные ОГ пятой группы имеют значение « S_1 каузирует S_2 быть S_m », ср. русск. *раб* → *поработить*, аналогично швед. *slav* → *forslava*, исп. *esclavo* → *esclavizar*, рум. *rob* → *a înrobi*. ОГ данной группы отмечены в 26 языках, они отсутствуют (или, по крайней мере, малопродуктивны, поскольку не отмечены в работах) в палеоазиатских, малайско-полинезийских и индейских языках. Характерно, что в данной группе непродуктивны ОГ, основанные на сравнении S_2 с S_m типа русск. *божество* → *обожествлять*, аналогично в нем. *Gott* → *vergotten*, англ. *god* → *to god*.

В тунгусо-маньчжурских, некоторых тюркских языках имеются ОГ со значением «считать, принимать, признавать в качестве S_m », ср. нан. *най* «человек» → *найси* «принять за человека» [37], *мапа* «медведь» → *мапаси* «принять за медведя» [35, с. 19], тув. *эжим* «мой товарищ» → *эжимзин* «считать своим товарищем» [16, с. 268]. В качестве квазиатрибутивных можно рассматривать здесь также ОГ со значениями «обращаться с S_2 , как с S_m », «называть S_2 именем S_m », ср. якут. *ым* «собака» → *ымтаа* «обзывать собакой» [18, с. 100], но ср. в нем. *Hund* «собака» → *hunzen* устарев. «обращаться, как с собакой, ругать»; венг. *úr* «господин» → *úrzní* «называть господином» [38]. Квазиатрибутивные ОГ группы (5в) отмечены не менее чем в 32 языках.

(6в) ОГ шестой группы со значением « S_1 каузирует S_2 не быть S_m », по-видимому, типологически непродуктивны. Указание на их наличие в использованных источниках отсутствует. Реализацию этого типа можно проил-

люстрировать единичными образованиями типа русск. *кулак* → *раскулачить*. В немецком языке, где корпус ОГ был получен путем сплошной выборки из словарей, среди 3,5 тыс. ОГ было отмечено лишь 7 глаголов этой группы: *Sklave* «раб» → *entsklaven* «освободить от рабства», *Mensch* «человек» → *entmenschen* «лишить человеческого облика» (квазиатрибутивный ОГ). Все 7 немецких ОГ образованы с помощью префиксов *aus-* и *ent-*.

Основные выводы

1. Локативные, посессивные и атрибутивные ОГ обнаруживают семантические взаимосвязи, выражающиеся, в частности: а) в возможности исчислить виды значений ОГ всех трех типов путем осложнения семантически исходных значений « S_1 есть в (месте) S_m », « S_1 имеет S_m », « S_1 есть S_m » одними и теми же признаками: «отрицание», «инхоативность», «каузативность»; в) в образовании ОГ семантически параллельных групп в ряде языков при помощи одних и тех же аффиксов, ср. образование ОГ групп (5а) « S_1 каузирует S_2 быть в S_m » и (5б) « S_1 каузирует S_2 иметь S_m » в аймара при помощи суф. *-cha-*; (5а) *uma* «вода» (*umaru* — направ. падеж) → *umaruchaña* «окупать, погружать в воду» — (5б) *uman* (инструм. падеж) → *umanchaña* «смачивать, поливать водой» [20, с. 126—127]; ср. также образование ОГ групп (6а), (6б), (6в) в немецком с помощью префиксов *aus-* и *ent-*: (6а) « S_1 каузирует S_2 не быть в S_m »: *Kerker* «тюрьма» → *entkerkern* «освободить из тюрьмы» — (6б) « S_1 каузирует S_2 не иметь S_m »: *Waffe* «оружие» → *entwaffnen* «обезоружить» — (6в) « S_1 каузирует S_2 не быть S_m »: *Sklave* «раб» → *entsklaven* «освободить от рабства».

2. Из трех типов ОГ наиболее продуктивными типологически являются посессивные ОГ. В каждом из трех типов ОГ выделяются три группы ОГ с положительным и три группы ОГ с отрицательным значением (см. табл. 1—3). В отношении типологической продуктивности отдельных групп ОГ можно отметить следующее:

а) все группы ОГ с положительным значением отмечены в части языков образца (но ни одна группа не отмечена во всех языках);

б) из 9 групп ОГ с отрицательным значением только 6 групп отмечены — каждая в небольшом количестве языков (см. табл. 1—3);

в) среди групп ОГ и с положительным, и с отрицательным значением менее продуктивными в типологическом аспекте являются группы «статичных» ОГ, т. е. обозначающих «состояние» — см. группы (1а), (2а), (1б), (2б), (1в), (2в).

г) каждая из групп с положительным значением более продуктивна типологически, чем ее отрицательный противочлен, ср. группы (1а) и (2а), (3а) и (4а), (5а) и (6а) и т. д.;

д) среди ОГ с положительным значением наиболее продуктивной в типологическом отношении является группа каузативных посессивных ОГ (5б), а среди групп отрицательных ОГ — отрицательный противочлен группы (5б) — группа (6б).

3. На основании анализа наличия/отсутствия в отдельных языках групп ОГ с положительным и отрицательным значением может быть сформулирована (в качестве тенденции) следующая импликация: если в определенном языке имеется определенная группа локативных, посессивных или атрибутивных ОГ с отрицательным значением, то в этом языке имеется и ее положительный противочлен, т. е., например, если в языке имеются ОГ группы (2а), то можно с большой степенью вероятности предположить и наличие ОГ группы (1а).

4. В большинстве групп имеются глаголы, значения которых не совпадают с толкованиями собственно локативных, посессивных и атрибутивных ОГ, они обозначены здесь как квазилокативные, квазипосессивные и квазиатрибутивные ОГ. Эти глаголы часто неоднородны по значению в пределах одной группы. Они более продуктивны типологически, чем собственно локативные, посессивные и атрибутивные ОГ, что позволяет сформулировать (в качестве тенденции) следующую импликацию: если в языке имеются собственно локативные, посессивные или атрибутивные ОГ в определенной группе, то в этом языке можно с большой степенью вероятности предположить и наличие квазилокативных, квазипосессивных или квазиатрибутивных ОГ этой же группы.

5. ОГ рассматриваемых типов могут образовываться с помощью двух различных видов аффиксов. Один вид — специализированные, т. е. такие, с помощью которых образуются ОГ только данной семантики [см. подробнее в группе (3б)], или частично специализированные, т. е. такие, аффиксы которых продуктивны в образовании ОГ с данным значением, но также участвуют и в образовании ОГ другой семантики [см. подробнее в группе (6б)]. Второй вид аффиксов — неспециализированные. С их помощью, так же как и безаффиксальным способом, образуются ОГ различной семантики. Характерно, что специализированные аффиксы преобладают:

а) в группах ОГ с положительным значением, непродуктивных в типологическом аспекте — см. выше (1а), (1б), (3б), (1в);

б) во всех группах ОГ с отрицательным значением — см. (4а), (6а), (2б) и т. д.

Этот факт можно объяснить тем, что значительная часть локативных, посессивных и атрибутивных ОГ с положительным значением выражает действие, которое обычно ассоциируется у носителей данного языка с денотатом мотивирующего имени (например: *соль* — *солить*, *оружие* — *вооружать* и т. п.). Действия же разрыва локальных, посессивных и атрибутивных отношений, иначе действия, выражаемые глаголами с отрицательным значением, редко связаны у носителей языка с устойчивой ассоциативной связью с денотатами мотивирующих имен (исключением составляют имена типа «шелуха», «кожура», «шкура» и т. п. — действием, обычно ассоциирующимся с этими именами, является именно действие удаления, ср. в русском языке *шелуха* → *шелушить*, нем. *Schale* → *schälen*, англ. *peel* → *to peel* и т. д.). Поэтому выражение действия разрыва отношений осуществляется в большинстве случаев при участии словообразовательных аффиксов с четким значением удаления, отделения, лишения чего-либо. И в языках типа германских, славянских, в которых суффиксы не имеют четких значений, связанных с локальными, а через них — с посессивными и атрибутивными значениями, такими показателями являются приставки [39].

В тех языках, где наряду с суффиксальным (или суффиксальным и безаффиксальным) развито приставочное образование ОГ (в нашем случае это — славянские, балтийские, немецкий, в меньшей степени — другие германские языки, а также пире), ОГ со специализированными префиксами преобладают именно в группах ОГ с отрицательным значением — см. примеры в группах (6а), (6б), (6в). Следует отметить, что и сами отрицательные ОГ отмечены преимущественно в языках, в которых имеется приставочное образование ОГ, — исключение составляет тип посессивных ОГ, все группы отрицательных ОГ этого типа представлены в некоторых агглютинативных языках суффиксального типа [см. выше группы (2б), (6б)].

Сказанное в пункте 5 позволяет сформулировать следующие импликации:

1) Если в языке имеются группы ОГ с отрицательным значением, то можно предположить с большой степенью вероятности, что ОГ этих групп образуются с помощью специализированных аффиксов;

2) если в языке наряду с суффиксальным (и/или безаффиксальным) развито приставочное образование ОГ, то можно предположить, что отрицательные ОГ образуются при помощи приставок, имеющих специализированное значение;

3) если в языке развито приставочное образование ОГ, то в нем выше вероятность наличия отрицательных ОГ, чем в языке, в котором приставочное образование ОГ отсутствует.

6. Наборы значений ОГ трех рассматриваемых типов в отдельных языках позволяют сгруппировать, с одной стороны, генетически родственные языки. Так, выше указывалось, что (квази)локативные и (квази)атрибутивные ОГ с отрицательным значением отмечены преимущественно в индоевропейских языках. С другой стороны, одинаковое значение оказывается присущим неродственным языкам. При этом данное значение может объединять: а) языки, относящиеся к одному ареалу или близким ареалам, например, посессивные ОГ группы (26) отмечены в ненецком, нивхском, юкагирском языках; б) языки, относящиеся к разным ареалам, ср. посессивные ОГ группы (16), представленные, с одной стороны, в языках северо-восточной Азии (алеутском, эвенском, чукотском, юкагирском, эскимосском), с другой стороны, в языках других ареалов (классическом арабском, индонезийском).

7. В данном исследовании подтвердился ряд положений, выдвинутых в теории «морфологической естественности» (см., например, [40]), в частности, следующие: отрицательные категории типологически менее продуктивны, чем положительные; отрицательные категории (как и все небазисные) оформляются морфологически сложнее, чем положительные; динамичные глаголы продуктивнее, чем статичные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волоцкая З. М. Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1972.
2. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. (Опыт сравнительного описания). М., 1962.
3. Marchand H. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen.— Die neueren Sprachen, 1964, № 3.
4. Гинзбург Е. Л. Существительное в маске глагола.— В кн.: Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 122.
6. Lonngrén L. On the semantics of Russian verbs derived from nouns.— In: The Slavic verb. Copenhagen, 1981.
7. Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
8. Меновицков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. М.— Л., 1964.
9. Bell A. Language samples.— In: Universals of human language. V. I. Method and theory. Ed. by Greenberg J. H. Stanford, 1978.
10. Lyons I. A note on possessive, existential and locative sentences.— Foundations of language, 1967, v. 4, № 4.
11. Головкин Е. В. Отыменные глаголы в алеутском языке.— В кн.: Лингвистические исследования. 1983. Синтаксический анализ предложения. М., 1983.
12. Меновицков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. II. Л., 1967.

13. Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.— Л., 1964.
14. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. II. Глагол, наречие, служебные слова. Л., 1977.
15. Middendorf E. W. Das Runa Simi oder die Keshua-Sprache, wie sie gegenwärtig in der Provinz von Cusco gesprochen wird. Leipzig, 1890.
16. Истаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
17. Грамматика хакасского языка. Под ред. Баскакова Н. А. М., 1975.
18. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.— Л., 1954.
19. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I. Л., 1947.
20. Middendorf E. W. Die Aimara-Sprache. Leipzig, 1891.
21. Рачков Г. Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., 1981.
22. Терещенко Н. М. Очерк грамматики пенецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947.
23. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. I. Фонетика и морфология имен-ных частей речи. М.— Л., 1961.
24. Fleisch H. Les verbes dénominatifs en Arabe classique. Ire forme et formes dérivées.— In: La signification du bas moyen âge dans l'histoire et la culture du monde musulman: Actes du 8-e Congrès de l'union européenne des arabisants et islamisants. Aix-en-Provence, Septembre 1976. Aix-en-Provence, 1978, p. 70—72.
25. Отаина Г. А. Качественные глаголы в нивхском языке. М., 1978.
26. Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.— Л., 1956.
27. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.— Л., 1958.
28. Габараев Н. Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси, 1977.
29. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.— Л., 1956, с. 258.
30. Калиущенко В. Д. Опыт типологии отсубстантивных глаголов (на материале языков разных семей).— Сопоставительно языкознание, 1984, № 2.
31. Matteson E. The Piro (Arawakan) language. Berkeley — Los Angeles, 1965.
32. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
33. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
34. Пашковский А. А. Слово в японском языке. М., 1980, с. 114.
35. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.— Л., 1961.
36. Недялков В. П. Смысловые ряды немецких глаголов с компонентами *aus-*, *heraus-*, *hinaus-*: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1961, с. 14.
37. Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.— Л., 1962, с. 110.
38. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. II. Грамматическое словообразование. М., 1959, с. 122.
39. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 83.
40. Mayerthaler W. Ikonismus in der Morphologie.— Zeitschrift f. r Semiotik, 1980, Bd. 2. Hft. 1/2, S. 29—30.